

Елена
ЛОГУНОВА
СТАТУЯ
СЕКСУАЛЬНОЙ
СВОБОДЫ

ИРОНИЧЕСКАЯ ВЕТКА

НОВАЯ
ЗВЕЗДА
ИРОНИЧЕСКОГО
ДЕТЕКТИВА

Елена Ивановна Логунова
Статуя сексуальной свободы
Серия «Индия Кузнецова», книга 6

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181426
Статуя сексуальной свободы: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-22443-2*

Аннотация

Известной писательнице ужастиков Басе Кузнецовой было скучно ходить в бассейн одной, и она привлекла к оздоровительным заплывам дочку Индию. Но даже в этом мирном заведении дамы нашли неприятности: опоздавшая Бася прибежала в пустую раздевалку, открыла первый попавшийся шкафчик и... узрела там мокрое, холодное и абсолютно неживое тело! Милиция сходу решила – это сама писательница воплотила в жизнь одну из своих ужасных фантазий. Надо срочно доказать, что это не так! И первым делом Индия и Бася выяснили – убита девушка. Но Бася видела в шкафчике труп мужчины!..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Елена Логунова

Статуя сексуальной свободы

Глава 1

– Подвинься-ка, Малюточка! – Раиса Павловна опустилась на скамеечку и потеснила задом развалившегося на мягкой подушке кота.

Кот был здоровенный, рыжий, мордатый, с усами, похожими на пышные пучки рыболовной лески. На малютку он походил мало, разве что на малютку саблезубого тигра, и характер имел соответствующий внешности. Добрый друг Раисы Павловны – сосед Валентин Иванович Солоушкин – ехидно титуловал кота-разбойника Малюткой Скуратовым. Раиса Павловна за любимца обижалась, а самому Малютке было все равно. Обидеть его могло только затянувшееся невнимание хозяйки к его пустой миске – поесть Малютка любил не меньше, чем поспать.

– Спи, Малютка, спи! – проворковала любящая хозяйка, заботливо укрывая дремлющего кота полой своей шерстяной кофты.

Никакого отопления на балконе не было, а окно Раи-

са Павловна открыла, чтобы максимально улучшить видимость.

Бывшая учительница к пенсионному возрасту не избавилась от переизбытка общительности и любознательности, но огорчительное нездоровье уже не позволяло ей заниматься кипучей деятельностью в гуще народных масс. С целью утоления мучительного информационного голода неутомная старушка часами просиживала у балконного окна с театральным биноклем, а промежутки между сеансами наружного наблюдения заполняла чтением журналов.

С четвертого этажа Раисе Павловне открывался неплохой вид на двор с песочницей и качельками, длинную шеренгу кооперативных гаражей, вереницу мусорных баков и раскинувшийся за ней пустырь. Еще лучше был виден незастекленный кухонный балкон одинокого пенсионера Солоушкина. Соседская кухня тоже была видна, но не вся, а только стол у окна и угловой шкафчик.

Если бы Раиса Павловна потрудилась составить хит-парад своих излюбленных объектов наблюдения, жилище Валентина Ивановича оказалось бы в первой строке, даже выше, чем помойка, где то явно, то подспудно кипела напряженная люмпен-пролетарская жизнь: бомжи, алкаши и обнищавшие старички сражались друг с другом и с бродячими животными за годное в употребление содержимое контейнеров. За помойкой Раиса Павловна наблюдала со скорбью и ужасом, моля бога, чтобы ей самой никогда не пришлось добывать

пропитание себе и Малютке в мусорном баке. Как женщина образованная, она понимала, что от такой вероятности в нашей стране не застрахован никто, даже нынешние олигархи.

Помойка огорчала и наводила на филофские раздумья о бренности богатства, зато созерцание доступных взору фрагментов жилища старичка-соседа приводило Раису Павловну в состояние, близкое к любовному экстазу. Что греха таить, очень нравился ей Валентин Иванович, такой импозантный в темно-зеленых плисовых штанах и клетчатом жилете из натуральной верблюжьей шерсти!

Валентин Иванович Солоушкин в лучшие свои годы занимал ответственный пост в Крайпотребсоюзе и командовал крупнейшим городским рынком. Он умело употребил служебное положение на пользу собственному карману и в старости не бедствовал, поэтому зловещий вид разворошенной помойки никакого душевного содрогания у него не вызывал. Правда, деньги и связи не помогли ему продлить жизнь супруге, скончавшейся пару лет назад от тяжелой болезни. Поскольку взрослый сын Валентина Ивановича со своей семьей давно жил отдельно, в купленном заботливым и состоятельным батюшкой доме, после смерти жены старик Солоушкин куковал в трехкомнатной квартире один. Раиса Павловна, когда-то приятельствовавшая с супругой Валентина Ивановича, очень сочувствовала достойному пожилому мужчине и была бы счастлива скрасить его одиночество. Она частенько по-дружески навещала Солоушкина, чему тот вроде был рад,

однако дальше посиделок за чаем и ностальгических бесед о благословенных застойных временах отношения соседей пока не продвинулись. Не помогал даже неоднократно задаваемый Раисой Павловной игривый, с прозрачным намеком вопрос: «Вот ведь был же, милейший Валентин Иванович, в вашей жизни потребсоюз. А непотребсоюзов неужто до сих пор не было?»

Совершенно неожиданно для кокетливой старушки этот ретроспективный вопрос стал актуальным и злободневным. Любящий сын Валентина Ивановича нанял в помощь старенькому папе прислугу – возмутительно молодую и привлекательную девицу с абсолютно не подходящим ей именем Анжелика.

Эта красивая молодая особа с пышными формами и дерзким взглядом являлась, по мнению Раисы Павловны, сущим исчадием ада. Белый медицинский халатик, в который чертовка Анжелика облачалась для исполнения обязанностей сиделки-кухарки-горничной, был неприлично тесным, коротким и просвечивающим, так что Раиса Павловна в свой бинокль прекрасно видела: негодяйка даже не надевает под униформу бюстгальтер! Отсутствие всяких биноклей и подзорных труб у подслеповатого Валентина Ивановича ревнивую старушку не утешало. Как многие сильно близорукие люди, старик Солоушкин обладал чрезвычайно развитым осязанием, что в данной ситуации тоже было опасно. С Анжелики вполне станется дать ему что-нибудь пощупать!

– Я не удивлюсь, если эта белобрысая дрянь соблазнит беденького Валентина Ивановича, принудит его жениться, заставит написать завещание в свою пользу, а потом прикормит доверчивого старика мышьяком! – не раз сокрушалась Раиса Павловна в разговоре со своей доброй подругой Катериной Максимовной.

Та страшных пророчеств ничуть не пугалась, потому что имела к ним стойкий иммунитет: ее дочка Варенька уже несколько лет числилась в топ-десятке популярных отечественных авторов литературных ужастиков. Но, даже не находя понимания у окружающих, Раиса Павловна продолжала с глубоким подозрением следить за Анжеликой и с печальной нежностью – за обреченным Валентином Ивановичем.

И только благодаря ее неусыпной бдительности коварный план ангелоподобной чертовки с треском провалился.

Еще не было восьми часов утра, когда Раиса Павловна воссела рядом с посапывающим Малюткой на балконную скамеечку и поднесла к глазам верный бинокль. Дом еще только просыпался, через двор наискосок к троллейбусной остановке целеустремленно, как муравьи, редкой цепочкой двигались трудящиеся граждане и дети школьного возраста. Было еще недостаточно светло, чтобы рассматривать увлекательную и шокирующую жизнь помойки, но в кухне Солоушкина как раз вспыхнула лампа, и это позволило наблюдательнице определиться с приоритетом. Раиса Павловна навела окуляры на светлое окно и скривилась, увидев прелестную

Анжелику в ультракоротком белом халатике, подпоясанном пестрым кухонным фартучком.

Красавица готовила Валентину Ивановичу завтрак, не подозревая, что ревнивая старушка-соседка пристально наблюдает за всеми ее действиями и подвергает их огульной критике.

– Да не молоко, бестолочь, сметану клади в омлет, так вкуснее будет! И салат хорошенько промой, не хватало еще, чтобы в листьях слизи остались, то-то Валентин Иванович порадуетя живому мясу! – ярилась Раиса Павловна, беспокоя Малютку. – А кофе! Малютка, ты погляди, как она варит кофе!

– М-мя! – злобно ответил кот, отвернув морду от предложенного ему бинокля.

– Она насыпала кофе в горячую воду! – возмутилась Раиса Павловна. – Да еще и переварила его, позволила закипеть!

С ненавистью глядя в спину Анжелики, переместившейся к шкафчику, она быстро и аргументированно раскритиковала завтрак, совершенно не подходящий для пожилого человека с сердечно-сосудистыми заболеваниями, и захлебнулась эмоциями, близко-близко увидев ямочки под голыми девичьими коленками. Анжелика забралась на табурет, потянулась и взяла что-то с верхней полочки шкафчика.

– А это еще что такое? – Раиса Павловна навела бинокль на небольшой полиэтиленовый пакет, наполненный белым порошком. – Крахмал, что ли? Или сахарозаменитель?

Анжелика тем временем извлекла из кармана маленькие ножнички, оглянулась, аккуратно надрезала пакет, наклонила его и тонкой струйкой высыпала немного порошка в чашку с дымящимся кофе.

– Не многовато ли сахарозаменителя? – желчно заметила Раиса Павловна.

И внезапно до нее дошло, что никакой это не сахарозаменитель! Стала бы Анжелика так воровато оглядываться, подсыпая в чашку хозяина безобидный сахарозаменитель? Стала бы со всей возможной поспешностью прятать пакет в самый дальний угол на верхней полке шкафчика? А как тщательно, с «Хлоринолом», она вымыла руки, убрав подальше подозрительный пакет! Крайне встревоженная, Раиса Павловна поспешно подкрутила бинокль и устремила испытующий взор на ангельское личико чертовки. Алые губы Анжелики сложились в улыбку, исполненную зловещего торжества.

– Да она его травит, гадина! – ахнула Раиса Павловна, роняя оптику.

– М-м-ма! – от души возмутился Малютка, ушибленный упавшим биноклем.

Приложив руку к сильно бьющемуся сердцу, Раиса Павловна поднялась со скамеечки и заковыляла к двери. Она понимала, что должна во что бы то ни стало отвратить угрозу, нависшую над бедненьким Валентином Ивановичем.

На лестничной площадке было свежо, но Раиса Павлов-

на не почувствовала холода. Протягивая руку к соседскому звонку, она прислушивалась к голосам за дверью.

– Валентин Иванович, вы завтракайте, а я с Моникой погуляю! – проворковала подлая отравительница под заливи-стый лай и брэнчанье собачьей цепочки.

«Уходит из дома, чтобы не видеть, как скончается ее жертва! – догадалась Раиса Павловна. – Конечно, к умирающему старику пришлось бы вызывать «Скорую», а зачем ей это надо?»

Сердце старушки-спасительницы колотилось так сильно, что ей казалось, будто его стук заглушает даже трель звонка.

– Ой, здравствуйте, Раиса Павловна, вы к нам? – дверь открыла Анжелика.

Непристойный халатик она спрятала под стеганым пальто, на ноги обула сапоги.

– Доброе утро, Анжеликочка, здравствуй, Моничка! – нечеловеческим усилием воли сдержав рвущийся с губ крик, приветливо сказала Раиса Павловна.

– Мы на прогулку, а Валентин Иванович завтракает. Проходите, налейте себе кофе! – Анжелика с собачкой обошли застопорившуюся на пороге старушку и побежали вниз по лестнице, проигнорировав лифт.

– С-спасибочки! – прошипела вслед лживой чертовке Раиса Павловна.

Она поспешно вошла в квартиру, захлопнула за собой дверь и устремилась напрямиком в кухню.

Солоушкин с аппетитом кушал омлет, красиво гарнированный зелеными салатными листьями.

– А, Раечка! – обрадовался он. – Доброе утро! Садитесь со мной чаевничать, то есть кофейничать!

– С удовольствием! – сказала Раиса Павловна, выдергивая из-под руки гостеприимного хозяина чашку с отравленным кофе.

Она быстро выплеснула содержимое чашки в мойку, а затем схватила чистящее средство и отдраила чашку, раковину и собственные руки в таком темпе, словно претендовала на почетное место в Книге Гиннеса с рекордом скоростного мытья кухонной утвари.

– У вас в чашке был таракан! – объяснила рекордсменка изумленному Солоушкину. – Я сварю вам новый кофе.

– Не золотой, а простой? – пошутил Валентин Иванович.

Вернувшаяся Анжелика застала стариков в гостиной за игрой в шашки. Валентин Иванович выигрывал и по-детски радовался, Раиса Павловна проигрывала, но была в хорошем настроении и улыбалась, как Джоконда. Улучив момент, когда Солоушкин удалился в туалет, она влезла на табурет и забрала из шкафчика пакет с ядом. Он лежал в кармане ее шерстяной кофты, тщательно завернутый в четыре бумажных полотенца, дожидаясь отправки на помойку. Никаких сомнений в том, что содержимым пакета является смертоносная отравка, у Раисы Павловны не было. На пластиковой упаковке обнаружилась маленькая бумажная наклейка с кос-

ноязычной и безграмотной надписью кривыми печатными буквами: «Для мужьего конца быстроя и жесткая».

К сожалению, Раиса Павловна слишком поздно поняла, что выбросить средство для скорой и жестокой кончины несчастных мужей в общедоступный мусорный контейнер было далеко не лучшим способом утилизации смертельного яда.

Римме Кондачковой было двадцать восемь лет, но каждый год прожитой ею жизни запросто можно было считать за два, поэтому наружность Риммы с паспортным возрастом разительно не совпадала. Это не причиняло гражданке Кондачковой особых неудобств, ибо она давным-давно не пользовалась паспортом, который по пьяному делу обменяла где-то на бутылку. Несколько раньше похожую сделку Римма провернула с родительской хатой в селе Нижнепокровском, после чего ее закономерно одолела охота к перемене мест. Вот уже третий год Римма обреталась в краевом центре на вольных хлебах, добываемых собственноручно, преимущественно из мусорных бачков. Спала она в бомжацком клоповнике на чердаке старой голубятни, водила дружбу с отбросами общества и откликалась не на имя Риммка, а на кличку Рюмка, которая подходила ей идеально. У Рюмки было бледно-зеленое одутловатое лицо и сиплый голос надтреснутого стопарика.

Серым декабрьским утром Рюмка, облаченная в драное

болоньевое пальто и резиновые галоши на босу ногу, дивным видением возникла у мусорного бака вблизи гастронома и с ходу огрела палкой собаку, которая самозабвенно раздирала зубами пакет, скатившийся с кучи мусора на асфальт. Пес взвыл и убежал, часто оглядываясь и щелкая зубами в бес- сильной злобе.

– Щоб ты сдох! – беззлобно сказала Рюмка и на всякий случай поковырялась палкой в отбитом у собаки пакете.

Картофельные очистки и кожа от сосисок ее не заинтере- совали, но в кульке было еще кое-что.

– Шо такое? – Рюмка нагнулась и подняла маленький и пухлый бумажный сверток граммов на сто – сто пятьдесят.

Развернув бумагу, она обнаружила внутри полиэтилено- вый пакет, полный белого порошка. Что это такое, было не понять, но Рюмка не собиралась бросаться добром, которое вполне могло иметь какую-то ценность. Она сунула пакет за пазуху и поспешно пошла прочь. Помойка у гастронома была местом весьма посещаемым, и каждый новый «инспектор» норовил начать ознакомление с мусорными поступлениями с потрошения карманов конкурента.

Пуговицы на болоньевом пальто присутствовали через од- ну, полы так и норовили распахнуться, поэтому Рюмка при- держивала свою добычу на впалой груди рукой, что со сто- роны выглядело очень подозрительно.

– А ну, стой, пьянь! Что сперла, показывай! – в узком про- ходе между гаражами к Рюмке подступили два молодых пар-

ня с физиономиями уголовников в третьем поколении.

Рюмка этих неприятных парней не знала и знать не хотела. По ленивым ухмылкам, оловянным глазкам и жирным губам молодчиков она враз угадала в них дворовую шпану, бывших дрянных мальчишек, которые вешали в подвалах кошек и стреляли из пневматических пистолетов по голубям и коленкам прохожих.

– Только не бейте! – испуганно взмолилась Рюмка, вжимаясь спиной в ржавую стену гаража и вытягивая из-за пазухи пакет с порошком. – Вот! Возьмите!

– Эт че? – спросил один из молодчиков, сплюнув и брезгливо прихватив пакет за одно «ушко». – Серый, глянь!

– Не знаю, – честно ответила Рюмка. – В кульке нашла. Кто-то это в сто бумажек завернул и в помойку зарыл, а я вот нашла.

– Хрень какая-то, – с сомнением в голосе сказал молодчик, которого приятель назвал Серым.

– Че сразу хрень?

Парни заспорили, разглядывая пакет. Рюмка тихо шагнула в сторону и растаяла в спасительном тумане, поглотившем и ее хилую фигуру, и звук спотыкающихся шагов.

Благородная старушка Раиса Павловна слабеющей рукой постучала по батарее парового отопления и выронила молоточек для отбивания мяса на журнальный столик. На пол посыпались газеты, журналы, очки для чтения, карандаши и

ручки.

– В-вя! – вознегодовал Малютка, мирно дремавший на ковре.

– Помогите... – оседая на пол, прошептала пенсионерка.

Затуманенными болью глазами она все еще видела тщедушную фигурку пропойцы, уносящей с помойки пакет с ядом. Анжеликина отравы ушла в большой мир!

– Моя вина! – покаянно прошептала Раиса Павловна и стиснула кулачок.

В ладонь ей сама собой угодила шариковая ручка, и это определило занятия пенсионерки на те несколько минут, которые понадобились доброй девочке – соседке сверху, чтобы прибежать на условный стук, открыть дверь своим ключом и вызвать для обморочной старухи «Скорую».

Глава 2

Оглядываясь назад, я понимаю, что в тот день мне следовало быть настороже – утро было буквально соткано из дурных примет и скверных предзнаменований.

Первым делом, когда я собиралась на работу, сломалась «молния» на моей куртке. Это было некстати, но я не слишком расстроилась, потому что возраст куртки неумолимо приближался к пенсионному и надевала я ее только потому, что сегодня меня ждал бассейн, а мне не хотелось оставлять в общественном гардеробе новую шубку.

Погода меж тем была уже достаточно «шубная». Выглянув в окошко с нашего седьмого этажа, я убедилась, что травка на газоне у подъезда слегка заиндевила. Сверху сеялась мелкая белая дрянь, не слишком похожая на нормальный снег, но все же вполне подходящая для премьеры моей скромной меховой коллекции: к бело-рыжему бобровому полушубку у меня имелась новая сумка с хаотично разбросанными по кирпичного цвета замше лоскутами меха. В магазине меня уверили, что лохматые фрагменты сумки при жизни принадлежали енотовидной собаке. Посмертно енот был подозрительно похож на обыкновенного полосатого ваську, но я все-таки купила эту енотовидную кошку, потому что она замечательно подходила к моим шубным бобрам.

В общем, кончину старой куртки я перенесла стойко. Надела шубку, вздернула на плечо сумку, повертелась перед зеркалом и благосклонно улыбнулась сначала своему очаровательному отражению, а потом братцу Зяме. Он как раз шествовал по коридору в ванную в шикарном халате цвета мокко и с махровым полотенцем на плече.

– Бобры добры? – с сарказмом пробормотал Зяма, без большого восторга покосившись на мои меха.

Зямочка у нас гениальный дизайнер по интерьерам. Его художественный вкус тоньше, чем ножки блохи, подкованной умельцем Левшой. Куда мне, простой девушке, воспитанной на многотиражных гламурных журналах, до этой редкой утонченности!

– Бобры добры, – подтвердила я. И ехидно добавила: – А козлы злы!

Зяма безошибочно угадал намек. Он притормозил, бросил обеспокоенный взор в зеркало, задрал подбородок и задумчиво рассмотрел свою художественную бородку. На мой непросвещенный взгляд, она представляет собой промежуточный вариант между аналогичными волосяными украшениями кардинала Ришелье и фараона Тутанхамона. Ну, и с козлиной бородкой что-то общее имеется, да простят меня Ришелье и Тутанхамон (перед Зямой можно не извиняться, мы с ним всю жизнь пикируемся, это у нас норма общения).

– Да, пора побриться, – подытожив результаты своих раздумий, Зяма полез в тумбочку за специальной дорогой брит-

вой, после обработки которой на его мужественном лице остаются сложные загогулины из трехдневной щетины.

– Косить тебе – не перекосить! – я насмешливо благословила братца на садово-ландшафтные работы и удалилась.

Крыльцо и ступеньки дома были красиво припорошены белой пудрой. На основании этого я мимоходом поздравила дворничиху:

– С первым снегом, тетя Маша!

Она на поздравление не ответила и посмотрела на меня, как на ненормальную. Я запоздало сообразила, что для дворничихи первый снегопад знаменует собой начало особо тяжелых сезонных работ, что вряд ли сильно радует работницу лома и снегоуборочной лопаты, но извиняться за бестактность не стала, потому что уже пролетела мимо тети Маши, а орать издали мне не позволяло благородное воспитание. Кстати, и снег куда-то пропал, по дороге на троллейбусную остановку я не увидела ни единой снежиночки. Под ногами весело шуршали сухие кленовые листья, влажно блестела зеленая трава газонов. Солнце, прорвавшееся из-за туч, щедро золотило желтую и рыжую листву деревьев. В зимних бобрах становилось некомфортно.

Я задумалась, не вернуться ли мне домой, чтобы переодеться в более соответствующий пейзажу и температуре воздуха замшевый пиджачок, но тут к остановке подкатил мой троллейбус, и я решила не мешкать. «Десятки» ходят по маршруту с интервалом в двадцать минут, и если я упущу

этот троллейбус, то непременно опоздаю на работу. А сегодня мне никак нельзя было опаздывать, сегодня у нас в рекламном агентстве «МБС» ожидалась сделка века.

В троллейбусе было пусто, то есть пассажиры не встали на поручнях в два ряда, как новогодние гирлянды, и я даже нашла нам с бобрами свободное сидячее место. На этом, однако, удача моя окончательно закончилась.

Едва устроившись на потрепанном сиденье, я ощутила неприятный запах, быстро превратившийся в невыносимую вонь. Другие пассажиры, тоже не лишённые обоняния, начали переглядываться, критично осматривая друг друга на предмет поиска источника зловония. Мы с моими новенькими бобрами оказались вне подозрений, да и другие граждане выглядели вполне прилично и внешне мерзкому запаху никак не соответствовали. Амбре же было такое, словно в троллейбус вошел хорошо выдержанный зомби.

– Кондуктор! Что это у вас смердит? – первой не выдержала газовой атаки дама в розовой кофте из лохматого мохера. – Немедленно прекратите это безобразие! Шерсть моментально впитывает запахи, я вся провоняюсь!

Я тут же заволновалась, испугавшись, что и мои натурально шерстяные бобры провоняются и будут пахнуть, как сунсы.

– У меня, гражданочка, ничего не смердит! – сердито отозвалась кондукторша. – За собой смотрите!

И она возвысила хорошо поставленный голос так, что за-

просто заглушила бы трубы страшного суда:

– Граждане пассажиры! Кто труп везет? Не забываем оплачивать провоз багажа!

– Это не труп, это у меня сайра протекла! – виновато улыбаясь, призналась приличного вида тетечка с большой клетчатой сумкой.

– Какая, к чертовой бабушке, сайра?! – мигом взъерился слаженный хор пассажиров.

Быстро выяснилось, что сайра никакая. То есть вчера она была свежемороженая, а сегодня она никакущая. И вообще ее уже нет, вся вышла. Точнее даже – выбежала. Вчера эта сайра путешествовала в клетчатой сумке приличной тетечки, ехала на конечную остановку десятого троллейбуса по обычному маршруту «рыбный рынок – кошачья миска», но не выдержала тягот долгого пути, разморозилась и обмочила сумку. На вкусовых свойствах сайры это никак не сказалось, и кот приличной тетечки ее благополучно сожрал – опять же, вчера. Так что сегодня от сайры остались одни воспоминания.

Кота никто не спрашивал, но пассажиры сошлись на том, что воспоминания о сайре поистине незабываемы. Тетечка сконфуженно извинилась и пообещала удалиться вместе с незабвенной сайрой на остановке «Военное училище». После этого народный гнев превратился в истерическое веселье. Умы взбудоражила перспектива военного использования покойной сайры. Бурно обсудив эту тему на протяжении

трех остановок, граждане решили, что клетчатую сумку надо везти прямиком на оборонный завод, производящий химическое оружие, а всю тухлую сайру немедленно объявить стратегическим военным запасом родины и строго-настрого засекретить. Потому как ей, этой тухлой сайре, никакая дополнительная переработка не нужна, ее можно запросто закручивать в майонезные баночки и забрасывать ими врага. Лучше всего с самолетов бомбить, потому что дальность поражения миазмами у тухлой сайры очень уж высока.

У военного училища опозоренная тетечка с клетчатой сумкой сошла, унося в народ свою смердящую военную тайну, а я проехала еще две остановки в троллейбусе, по которому гуляли вентиляционные сквозняки, и слегка простудилась. Едва вошла в офис, оглушила девочек звонким чихом, на который они отреагировали не традиционным пожеланием «Будь здорова!», а дружным змеиным шипением:

– Ш-ш-ш-ш!

Люся и Катя синхронно приложили пальцы к губам и взглянули на меня с укором, причины которого я не поняла, а потому с легкой обидой спросила:

– Да в чем дело?

– Замри! – шепнула Катя.

Я застыла на одной ножке.

– Сделка века! – одними губами пояснила Люся и указала глазами на дверь кабинета шефа.

– Состоялась? – балансируя на одной ноге, с радостной

надеждой спросила я.

Катя с Люсей помотали головами:

– Нет, сорвалась!

Я поставила вторую ногу на пол и взглянула на своих коллег с недоумением:

– Так у нас что – минута молчания по погибшим надеждам?

– Т-с-с! – яростно зашипела Люся. – Молчи!

Я пожалала плечами, прошла к своему столу, сняла шубку и понюхала ее, желая убедиться, что я не напрасно самоотверженно проветривала бобров на вредном для моего личного здоровья сквозняке.

– Я предлагаю заглянуть! – прошептала Катя, кивнув на дверь начальственного кабинета.

– Да, как же! – криво усмехнулась Люся. – Мы заглянем, а он в нас пресс-папье метнет! А оно, между прочим, малахитовое!

Я начала понимать, в чем дело:

– Бронич закрылся в кабинете и не подает признаков жизни?

– Не подает! – вздохнула Катя.

– Может, оно и к лучшему, – философски заметила я. – Посидит у себя, помолчит, подумает о тщете всего сущего... Подумаешь, сделка сорвалась! Что теперь, национальный траур объявлять?

Если честно, то я кривила душой. От «сделки века», как

у нас в рекламном агентстве окрестили долгосрочный контракт с сетью гипермаркетов детских товаров «Маленький принц», мы ожидали многого. Я лично – постоянного объема работ и стабильной зарплаты. А шеф наш, Михаил Брониславич Савицкий, ожидал сверхвысоких прибылей. Надо сказать, что Бронич даже к сверхмалым прибылям относится с нежностью Скупого Рыцаря, так что его разочарование по поводу сорвавшейся сделки века должно было быть безмерным.

– Он там не застрелился? – осознав серьезность ситуации, тоже забеспокоилась я.

– Выстрела мы не слышали, – ответила Катя, заметно бледнея.

– А что слышали? – настаивала я.

– Да ничего особенного, – Люся пожалала плечами. – Порол немного, кулаками в стену помолотил, ногами потопал, разбил что-то стеклянное... Все как обычно.

– Интересно, что еще он мог разбить? – задумалась Катя.

Наш дорогой шеф по знаку зодиака Близнецы. Возможно, этим объясняется его характер типа «два в одном». Обычно Бронич кроток и ласков, аки голубь, но периодически пугает нас вспышками дикой ярости. Страдают от нее в основном неодушевленные предметы, не имеющие, в отличие от одушевленных сотрудников, спасительной возможности разбежаться и попрятаться по углам. Заботясь о сохранности казенного имущества, Катя (она у нас офис-менеджер) мето-

дично проводит плановую замену в кабинете шефа хрупких и бьющихся предметов интерьера на массивные и противударные. Таким образом, из логова вспыльчивого Бронича уже исчезли керамические цветочные горшки, фарфоровые чашки и хрустальные рюмки, вместо них пришли гранитные кашпо и серебряные стаканчики, а на стенах вместо легкомысленных картинок в рамках под стеклом появились добротные резные деревянные доски и чеканки по металлу. Место разбитого письменного прибора из цветного стекла на столе занял набор предметов из малахита, и с их появлением кабинет шефа приобрел необычайно солидный вид. А у нас с девочками развилась малахитофобия, ибо шеф имеет неприятную манеру бросаться пресс-папье.

– Если он опять расколотил лампу, я ему новую не куплю! – сердито заявила Катя. – Будет при свечах сидеть!

– И канделябрами кидаться! – поежилась я.

– Все, я больше не могу! – Люся, не выдержав неизвестности, подскочила к двери директорского кабинета, толкнула ее и тут же прижалась спиной к стене справа от дверного проема.

Я пригнулась к столу, освобождая воздушный коридор для вероятного пролета метательных снарядов, но из открытого кабинета не донеслось ни звука. Я подняла голову, посмотрелась в зеленоватый сумрак шефовой берлоги (похоже, он действительно разбил лампу), испуганно ахнула и выскочила из-за стола.

Бронич лежал в кресле, откинувшись на его спинку, и тяжело дышал. Глаза его были закрыты, галстук распущен, оборванная с воротника пуговка болталась на нитке.

– Бронич! – в три глотки вскричали мы с девочками.

Катя с Люсей бросились в кабинет, а я схватилась за телефон, чтобы без промедления вызвать «Скорую».

Через полчаса обморочно постанывающего шефа увезли в больницу с подозрением на инсульт. В полном ошеломлении мы с девочками выпили кофе с шоколадными конфетами из неприкосновенного запаса в барном шкафчике шефа, а потом Катя пошла наводить порядок в кабинете, Люся отправилась к Броничу домой, чтобы успокаивать его супругу, а я вызвалась съездить в больницу. Мне было по пути, я как раз собиралась в обеденный перерыв посетить бассейн.

В печали и тревоге, безрадостно думая о ближайшем будущем нашей многострадальной конторы, я вышла из офиса и встала под фонарем на углу, ожидая мамулю, с которой мы вместе занимаемся плаванием трижды в неделю.

Собственно, это мамуля подвигла меня на активные занятия спортом, сама бы я никогда не собралась ни в спортзал, ни в бассейн, просто поленилась бы. Но родительница моя заявила, что ей пора заботиться о своей физической форме, чего в одиночку она делать никак не может, поэтому мой святой дочерний долг – составить ей компанию. В конце концов, определенный урон мамулиной красоте нанесло именно рождение и возвращение детей, одной из коих я являюсь!

Насчет урона ее красоте вполне можно было поспорить. Глядя на мамулю и бабулю, я понимаю, что по части растяжимости понятие «бальзаковский возраст» превосходит самый лучший латекс. Это побуждает меня радоваться за близких родственниц, а еще больше – за саму себя. Хорошая наследственность дорогого стоит! Если в пятьдесят я буду выглядеть, как мама, а в семьдесят – как бабушка, пластическим хирургам не удастся заработать на мне ни гроша. И это тоже радует, потому как я девушка практичная и всегда найду достойное применение резервной копеечке.

С присущей мне практической сметкой я попыталась отвертеться от синхронного плавания с мамулей, предложив ей в компаньонки бабулю, но бабуля сказала, что ее собственная физическая форма с учетом прожитых лет и перенесенных испытаний даже слишком хороша, поэтому она отказывается от физкультурных занятий в пользу просто культурных. Это означало, что бабуля предпочитает лежать на диване, разгадывая кроссворды и головоломки в журналах, которые она покупает в складчину с подружкой-вековушкой Раисой Павловной из десятой квартиры.

Бабуля наша представляет собой редкий тип домоседки сезонно-мигрирующей. Дважды в год ее одолевает непреодолимая охота к перемене мест, и тогда бабуля отправляется за две тысячи километров в Питер, к своему старшему сыну. Великий поход утомляет ее настолько, что для обратного марш-броска бабуля копит силы еще полгода, и только по-

том возвращается к нам. В тот момент, когда мамуля решила примкнуть к олимпийскому движению инвалидов умственного труда, бабуля как раз готовилась к своему очередному Великому Исходу. Расходование энергии на бассейн не входило в ее планы, так что плавать в одной флотилии с мамулей пришлось мне.

Плавать мне неожиданно понравилось, только сложновато было выкраивать на это время среди рабочего дня. Мамуля, которая в удобном для себя режиме работает дома (она у нас великая писательница), вошла в мое положение и стала заезжать за мной на машине.

Увы, сегодня день был неудачный. Переминаясь на углу, я с садистским удовольствием безжалостно мозолила своими новыми бобрами завидующие глаза девчонкам из соседней парикмахерской, когда позвонила мамуля.

– Дюша, дорогая, прости, но я никак не успеваю тебя подхватить! – виновато сказала она. – Еду со студии, мы там немного задержались с записью, а на дорогах пробки, так что я чуток опоздаю. Ты доберешься сама, детка?

– Доберусь.

Я вздохнула при мысли о новом троллейбусном катании в компании с гражданами, отягощенными громоздкими сумками с разнообразным содержимым, не исключая тухлую сайру. Ах, как все это может травмировать моих нежных бобров!

Стараясь избегать плотных контактов с другими пассажи-

рами и их ручной кладью, я села на последнее сиденье – то, которое спиной к водителю, забила в уголок и поехала в бассейн. Тухлой сайры, вечная ей память, на сей раз никто не вез, но народ в попутчики мне достался какой-то суетливый, очень непоседливый: на протяжении недолгого пути длиной в пять остановок рядом со мной успели посидеть четыре человека. Движение на сиденье было, как на скамейке запасных в разгар напряженного хоккейного матча! Я смотрела в окошко, не обращая внимания на очередного соседа или соседку, но вынужденно замечала момент перехода места в пользование нового лица (то есть вовсе не лица, а совсем наоборот, тыльной части человеческого организма) по противному скрипу сиденья.

В тот момент, когда мне самой пора было отклеиться от теплого дермати́на, из кармана моей шубки выскользнула связка ключей. Я вовремя распознала характерное металлическое звяканье и вытянула из щели между сиденьем и его спинкой свои беглые ключики, а заодно и другой предмет, застрявший там же. Это оказался мобильный телефон, плоская книжечка-раскладушка. Я сразу поняла, что это не моя вещичка – модель была совсем другая. Очевидно, телефон выпал из кармана одного из моих суетливых попутчиков, но вернуть его в данный момент хозяину было затруднительно по причине отсутствия такового. Оглянувшись, я убедилась, что троллейбус пуст, на конечную остановку, вблизи которой расположен бассейн, я прибыла в одиночестве, все прочие

пассажиры вышли раньше.

– Конечная! Не спим, выходим! – провозгласила кондукторша, явно адресуясь ко мне, и сама вперевалочку сошла со ступенек, направившись напрямиком в ближайший продовольственный магазин.

Я выскочила из троллейбуса с чужим мобильником в руке, побежала вслед за кондукторшей и настигла ее у прилавка хлебного отдела.

– Простите, это не ваш телефон? – спросила я, показывая «раскладушку».

– Дай посмотрю. Хороший телефон, дорогой? Может, и мой, – неопрятная толстая баба сунула в потрепанную сумку на животе пару булок и с готовностью потянулась к мобильнику.

На владелицу дорогого мобильника она совсем не походила, а вот на особу, способную беззастенчиво присвоить чужую вещь, очень даже смахивала.

– Извините, я вспомнила, чей это телефон, – соврала я, пряча найденный мобильник в карман шубки и отступая.

В конце концов, не велик труд прозвонить по номерам, записанным в памяти аппарата, и найти настоящего владельца телефона с помощью его знакомых. Я решила, что займусь этим благородным делом сразу после посещения бассейна. Мне не хотелось опаздывать на «мокрое дело», как с присущим ей черным юмором называет наши заплывы мамуля – знаменитая создательница ужастиков.

Считается, что занятие в бассейне часовое, но на самом деле пребывание в воде длится не более сорока пяти минут. За это время я только-только успеваю проплыть полтора километра, которые сама определила себе в качестве обязательной нагрузки. Чтобы не терять драгоценные минуты, я прыгаю в воду раньше других, а вылезая из нее самой последней. Это хорошая тактика, она позволяет мне заодно избежать очереди в душевой: все дамочки, тетушки и бабушки, которые мокнут в бассейне одновременно со мной, торопятся поскорее ополоснуться, чтобы захватить один из немногочисленных исправных фенов в «предбаннике».

Из-за медлительности общественного транспорта и бессмысленной беготни с чужим мобильником я опоздала к началу занятия минут на пять, поэтому все обязательные предварительные действия произвела с рекордной скоростью. Сдала в гардероб бобров и сапоги, обула резиновые тапки, прошлепала на второй этаж, получила у дежурной в раздевалке ключик от свободного шкафчика, разделась, с купальником в одной руке и шапочкой в другой пробежала в душевую, наскоро ополоснулась, облачилась в незатейливый наряд для плавания и ринулась в бассейн. Дамочки и тетушки, лениво плещущиеся на моей законной третьей дорожке, при виде меня сделали кислые лица, на что я не обратила никакого внимания. С дружественным криком: «Всем привет!» я шумно бухнулась в воду, перевернулась на спину и красивыми техничными гребками разогнала в стороны

всех сонных гусынь, болтающихся в воде на манер надувных матрасов. Минут через пять на нашей дорожке установилось нормальное положение дел: недовольные моей активностью тетушки зависли в сонных гаванях под тумбочками, а я летала туда-обратно, как индейское каноэ, старательно считая пройденные дистанции.

Периодически я вопросительно поглядывала на дверь женской душевой, но мамуля, которую я ждала, так и не появилась. Видимо, она опоздала гораздо сильнее, чем предполагала, и даже не стала заходить в бассейн. Оставалось надеяться, что родительница дожидается моего выхода в холле и мне не придется вновь прибегать к услугам общественного транспорта. Разнообразными троллейбусными развлечениями я сегодня была уже сыта по горло.

Глава 3

Подрезав неторопливый троллейбус, синий «Форд» резко свернул на стоянку у входа в бассейн, пронзительно взвизгнул тормозами и замер в миллиметре от высокого бордюрного камня. Из машины выскочила дама в белом шерстяном костюме с оторочкой из горносталя. Громко цокая каблучками и размахивая не гармонирующей с изысканным нарядом спортивной сумкой, она устремилась прямо к бассейну.

Дама была не молода, но очаровательна, хотя манеры ее оставляли желать лучшего. В дверях она не уступила дорогу группе школьников, не поздоровалась с приподнявшимся навстречу охранником. Шмякнула сумку на пол, выдернула из нее пакет с резиновыми шлепанцами, переобулась с проворством театральной Золушки, играющей сцену с хрустальной тувелькой в тысячный раз, и помчалась вверх по лестнице в раздевалку. Тем не менее охранник проводил торопливую особу восхищенным взором и молвил:

– Ну, королева!

Очаровательная дама являлась признанной королевой литературного ужасика и была известна читателям под именем Баси Кузнецовой, хотя по паспорту звалась просто и без затей – Варварой Петровной.

Пожилой охранник не относился к числу горячих поклонников творчества мадам Кузнецовой, так как предпочитал

изящным дамским страшилкам кровавые кошмары brutальных детективов, но не узнать Варвару Петровну он не мог. Ее милый образ в белом костюме с горностаем он созерцал уже добрых пять минут: большой телевизор, установленный в холле как раз напротив стола охранника, показывал очередное ток-шоу «Трын-трава», в котором писательница Кузнецова выступала в качестве приглашенного эксперта по страхам и ужасам. Буквально за минуту до появления Варвары Петровны во плоти ее экранный двойник забавно пикировался с другим специалистом по кошмарам – известным в городе психоаналитиком Виталием Пряниковым. Из их весьма оживленной беседы быстро стало ясно, что доктор готов с лету диагностировать у госпожи писательницы с десяток душевных расстройств, не совместимых с жизнью, в то время как мадам литераторша склонна считать скрытым психопатом, садистом и извращенцем самого доктора.

– Милый Виталий Парамонович, поверьте, на самом деле я предпочитаю обществу жутких потусторонних существ теплую компанию родных и друзей и никогда в жизни не видела создания более пугающего, чем, например, вы! – заливаясь серебристым смехом, говорила Варвара Петровна.

Она была совершенно обворожительна, тогда как доктор, скалящий желтые зубы в кривой усмешке и обличительно потрясающий перед камерой новой книжкой Баси Кузнецовой «Мой страстный зомби», производил весьма неприятное впечатление. Публика, собравшаяся в студии, дружно апло-

дировала писательнице и освистывала психоаналитика.

Под рукоплескания телевизионного зала живая Варвара Петровна взбежала по ступенькам, белой молнией промелькнула мимо гражданок, сосредоточенно жужжащих слабенькими казенными фенами в предбаннике, и ворвалась в женскую раздевалку. Там было пусто, потому что одна группа занятия давно закончила, а другая так же давно его начала. Мадам писательница сильно опоздала и, торопясь наверстать упущенное, прямо с порога целеустремленно ринулась в закуток дежурной, чтобы взять у нее ключик от свободного шкафчика.

Дежурной, по совместительству выполняющей функции уборщицы, на месте не оказалось. Такое случилось частенько, но великая писательница была демократична и ничуть не возражала против самообслуживания. Она сдернула с гвоздика первый попавшийся ключик и направилась к нужному шкафчику, который нашелся в нижнем ярусе среднего ряда. Варвара Петровна со скрежетом вонзила ключ в замочную скважину, провернула его, и тут в помещении погас свет.

Окон в раздевалке не было, и Варвара Петровна оказалась в полной темноте. От неожиданности она уронила с плеча сумку, наклонилась, подняла ее и совершенно машинально потянулась к невидимому в потемках шкафчику, чтобы привычно поместить свою ручную кладь на его полку. В темноте она ориентировалась гораздо хуже, чем типичные героини ее произведений – обитатели склепов и подземелий, поэтому

вынуждена была искать шкафчик ощупью. Первая дверца, попавшаяся ей под руку, оказалась закрытой, вторая тоже, а вот третья с готовностью подалась. Она открылась с тонким скрипом, который совпал с легким звоном.

– Ой, это ключ упал! – поняла Варвара Петровна.

Тут она вспомнила, что на ее собственной связке ключей от квартиры болтается брелок с подсветкой, и полезла за ним в сумку. Брелок в стиле «хай-тек» Варваре Петровне подарил сын Казимир, большой любитель всяческих необычных штуквин. Плоский серебристый диск, похожий на инопланетное летающее блюдечко, благополучно пережившее прямое попадание под земной дорожный каток, по словам Зямы, мог испускать из себя свет, но у Варвары Петровны прежде не случилось повода воспользоваться этой полезной прикладной функцией брелочка.

Потискав диск, она сумела выжать из него с полдюжины ярких тонких лучей, раскинувшихся частым веером, и в темном нутре длинного высокого шкафчика увидела слабо светящуюся сине-сиреневую рыбку. Это было более чем странно! До сих пор Варваре Петровне никакие жаберные не встречались даже в воде бассейна, не говоря уж о более или менее сухой раздевалке. Удивленная, она протянула руку к призрачному сиянию и коснулась холодной влажной кожи, гладкой, без всякой чешуи.

В следующую секунду слепяще вспыхнули лампы под потолком. Варвара Петровна поморгала, прозрела, потом хрип-

ло ахнула, попятилась и упала на лавочку, оказавшуюся у нее под коленками. Ее глубоко потрясла мгновенная метаморфоза: изящная маленькая рыбка куда-то пропала, а вместо нее появилось довольно большое тело, втиснутое в узкий шкафчик боком, в полуприсяде.

– Черт! – беспомощно обронила великая писательница, не приветствующая вторжение страхов и ужасов в ее собственную мирную жизнь.

Бочком-бочком она отступила вдоль стены шкафчиков к выходу из раздевалки, у двери круто развернулась и выбежала вон, на ходу нервно вытирая о жакет руку, которой прикоснулась к холодному телу.

Охранник, благополучно досмотревший интересное токшоу «Трын-трава» до самого конца, сидел за своим столом и увлеченно читал книжку с многообещающим названием «Джакузи для жмурика».

– Труп в раздевалке! – подбежав к столу, свистящим шепотом доложила ему перепуганная Варвара Петровна.

– Ну, это уже не ново, – мягко, чтобы не обидеть писательницу, сказал охранник и перевернул страницу.

Он вообразил, будто великая писательница делится с ним творческими планами, и позволил себе покритиковать предложенное ею название:

– Придумайте что-нибудь пооригинальнее.

– Не ново? – неприятно удивилась Варвара Петровна, которая ходила в данный бассейн меньше месяца и не знала

еще всех местных традиций. Притом ее никто никогда не предупреждал, что в шкафчике раздевалки можно запросто найти такое необычное вложение, как мертвое тело. – Ничего себе! И часто у вас находят трупы в раздевалке?

– Не понял? – охранник насторожился. – Какой труп? В какой раздевалке?

– Какой труп – не знаю, я в трупах не разбираюсь, – ответила раздерганная Варвара Петровна, не замечая, что жестоко губит свою репутацию специалиста по страхам и ужасам. – Он в женской раздевалке, в шкафчике сидит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.